

XVI съезд Компартии Белоруссии, который состоялся в Минске 10—19 июня 1937 года, проходил в сложных условиях. Деловое обсуждение поставленных вопросов во многих случаях подменялось беспредметными рассуждениями о «происках» и «разоблачении» так называемых «врагов народа». Когда знакомишься с материалами съезда, ясно видится, что обстановка на нем была напряженной, гнетущей. Об этом же говорили мне ныне здравствующие делегаты съезда — т. Дадиомова Ф. И. (член КПСС с 1927 года), Герчиков И. Г. (член КПСС с 1927 г.) и Рахубо К. М. (член КПСС с 1926 г.).

Особенно большие нападки были в некоторых выступлениях делегатов против члена Бюро ЦК КП(б)Б, Председателя ЦИК БССР А. Г. Червякова. В президиум поступило много записок, в которых выражалось политическое недоверие А. Г. Червякову. Вот некоторые из них:

«Хочу спросить у т. Червякова, как старого, ответственного работника Белоруссии, у которого на глазах классовые враги делали свои гнусные дела. Почему он не принимал мер против этих врагов? Очевидно, в некоторых вопросах он сам был с ними солидарен, слепо доверял всяким проходцам, нацдемам, оказавшимся польскими шпионами, выдвигал их на ответственные посты».

«Тов. Шаранговичу. Скажите, проверено ли политлицо Червякова и его причастность ко всем враждебным контрреволюционным организациям?»

«Тов. Шаранговичу. Ответьте, как Червяков выявлял врагов партии?»

Аналогичных записок было подано много. И в выступлениях делегатов неоднократно

называлась фамилия Червякова.

На утреннем заседании 14 июня 1937 года выступил А. Г. Червяков. Он, в частности, сказал:

«Я, как член Бюро ЦК КП(б)Б, занимающий ответственный пост в Центральном Исполнительном Комитете СССР и Советской Белоруссии, несу ответственность за большие недостатки работы Бюро ЦК и правительства, за то, что мы проглядели врагов народа...»

После выступления А. Г. Червякова еще больше усилились выпады отдельных делегатов против него.

Вот некоторые выдержки из их выступлений:

«Возьмите т. Червякова. За время проверки партийных документов он ни одного человека не разоблачил. Я не удовлетворен позицией Червякова...»

«...Мы вправе требовать от т. Червякова не перечислений его ошибок в прошлом... Мы требуем, чтобы он выступил и разоблачал нам людей, помогал нам раскорчевывать до конца враждебные корни людей, которые сейчас, по всей вероятности, скрываются в нашей партии».

«...Мне кажется сомнительным следующее обстоятельство — это исключительная старательная забота со стороны т. Червякова поддержать свой авторитет среди некоторых слоев интеллигенции... Тов. Червяков никогда не находил силы и мужества этой гнилой интеллигенции с нацдемовским оттенком и прямым нацдемам дать решительный отпор...»

15 июня А. Г. Червяков был вынужден вторично выступить на съезде, где, в частности, сказал:

«Мне поставлен ряд серьезных политических вопросов на

этом съезде, на которые я обязан ответить...: 1. О моих политических ошибках в прошлом. 2. О моей позиции в разоблачении врагов народа, в частности, в связи с прошедшей проверкой партийных документов; о взаимоотношениях внутри Бюро ЦК КП(б)Б и об

он продолжался более двух часов. В. Ф. Шарангович, открывая заседание, объявил, что во время перерыва у себя в рабочем кабинете застрелился Председатель ЦИК и член Бюро ЦК КП(б)Б А. Г. Червяков. Тут же было сообщено о создании комиссии по организации похо-

ве, совершил явно враждебный поступок. Он якобы не выдержал той критики, которая развернулась на нашем съезде...

Я абсолютно уверен, что и наш съезд и вся наша КП(б)Б, и весь народ Белоруссии, встретят сообщение о самоубийстве Червякова и оценят его как

С полным текстом документа можно ознакомиться в библиотеке

«Мне нечего скрывать»

отношении к Голодеду; о моей роли как Председателя ЦИК в деле управления хозяйственным и культурным строительством, руководства в Дзержинском районе — последний вопрос мне вчера поставил Берман. Вот на эти вопросы я и постараюсь ответить...»

В заключение второго выступления он заявил: «Многие предъявленные мне обвинения не верны. Они очень тяжелые. Принять их я не могу».

И после второго выступления А. Г. Червякова нападки на него продолжались. Делегаты съезда, с которыми я встречался, рассказали, что было дальше. Съезд проходил в Доме правительств, в зале, где теперь проходят сессии Верховного Совета БССР. 16 июня после утреннего заседания, как обычно, был объявлен минут на двадцать перерыв. Однако

он из нескольких человек, в том числе делегатов. Работа съезда не прекращалась.

17 июня председательствующий на утреннем заседании объявил: кто хочет идти на похороны Червякова, могут уйти. Однако приняли участие в похоронах немногие делегаты.

На вечернем заседании с заключительным словом по обсуждению Отчетного доклада выступил В. Ф. Шарангович. Он, в частности, сказал:

«...Я, конечно, в своем заключительном слове наметил целый раздел относительно выступления Червякова на этом съезде. Но в связи с тем, что Червяков покончил самоубийством на личной семейной почве, мне, думаю, нет никакой надобности много говорить об этом дурушинике, маскировавшемся очень долго в КП(б)Б, который своим актом самоубийства, хотя и на личной поч-

враждебный акт против партии, против Советской власти, против народа, против всех нас».

В газете «Звезда» была помещена маленькая заметка о том, что Червяков покончил с собой на личной почве.

Следует отметить, что не пройдет и трех недель и о Шаранговиче скажут как о враге народа, вредителя, шпионе.

Вскоре после XVI съезда КП(б)Б он был арестован, потом осужден и расстрелян. Полностью, как известно, по-смертно реабилитирован после XX съезда КПСС.

В 1969 году в архивных материалах была обнаружена копия посмертного письма А. Г. Червякова, обращенного к делегатам XVI съезда КП(б)Б. Я ознакомил с ним первого секретаря ЦК КПБ П. М. Машерова. Прочитав записку, Петр Миронович попросил поискать подлинник. К сожалению, подлинного текста не нашли.